

Людмила Гурченко

ТАК БЫЛО

Новая жизнь

23 августа 1943 года в наш город пришла Красная Армия. Начиналась новая жизнь!

1 сентября 1943 года я пошла в школу. Ровно за неделю школу почистили, вымыли, сформировали классы. Парт не было, досок не было, книжек и тетрадей не было, мела не было, а учеба началась!

Моя мама устроилась в кинотеатр имени Дзержинского — работать ведущей «джаз-оркестра», который играл публичке перед сеансом. И я после школы — в кино. С собой приводила по полклассу. Фильмов было мало. Их так по долгу крутили, что, бывало, один и тот же фильм смотрели мы раз по пятьдесят! Сколько раз я видела фильмы «Аринка», «Иван Грозный», «Истребители», «Два бойца» и, конечно, «Большой вальс»!

Во всех фильмах я знала не только песни, но только все диалоги, от «гм» до «апчхи», — я знала всю закадровую музыку. Она ночами звучала в ушах. Я ворочалась, я не могла заснуть. Ну как можно спать после «Большого вальса»?

Дома меня вообще теперь не бывало. Ведь началась новая жизнь. Нет немцев. Никого не боюсь. Я должна была «схватить» все радости. И кино, и джаз-оркестр, и нужно уже выступать самой. Пора! Но где? Самодетельности в нашей школе еще не было. А меня распирало, подхлестывало, особенно после очередного фильма. Люди работают, а я гибну, пропадаю. Проходит же время...

Большой госпиталь располагался на Рымарской в помещении бывшего монастыря. Этот монастырь был уже давно изурован вдоль и поперек. Знала я здесь все выходы и входы. У меня даже сохранились монастырские трофеи: бронзовая тесьма с кисточками — я ее надевала на лоб, когда танцевала индийский танец из кинофильма «Индийская гробница».

Я пробралась в госпиталь. И очень скоро я не могла жить, если после школы хоть на часок не забегу в «свои» палаты. Меня ждали раненные. Я им пела, рассказывала о том, что происходит в городе, выполняла мелкие поручения, веселила их. Самое главное — знать вкусы, желания и мечты «своей публики». Мои раненные любили песни патриотические, о любви, шуточные. Так я и строила свой репертуар. Меня совершенно не смущало то, что не было аккомпанемента. Да я привыкла без него! Шли в ход руки, ноги, глаза, плечи. Вот где работала фантазия!

Большим успехом пользовалась песня о ленинградском рабочем-гармонисте:

В бою навзлет раненный
Скомандовал: «Вперед!»...

Потихоньку из соседних кельй-палат выходили раненные, вслушивались в песню, вглядывались в меня. А я пела и видела своего папу-гармониста на фронте с баяном... Нянечки и сестры с грелками и бинтами тоже останавливались, все смотрели и слушали. Середины песни не помню. Но в конце кто-то спрашивает у героя-гармониста: «Откуда ты, отчаянный?» — он ласково спросил:

И с беспредельной гордостью
Отвечал гармонист:
«С Васильевского острова,
С завода «Металлист».

Плакали раненные, плакали старенькие нянечки... Но больше всех в песне нуждались те, кто был ранен тяжело. В эти особые палаты входить не позволялось. Только если разрешит врач или позвонит сама сестра. Войду в такую палату. Коек мало. Особенно тихо, особенно чисто, всегда цветы. Все молчат. И я молчу, боюсь нарушить эту тишину. А по-

том откуда-то из бинтов еле слышно: «Девочка, что-нибудь боевое спой...» — «Сейчас спою...»

Ордена не даром
Да нам страна вручила,
Помнит это каждый наш боец...

А в палату для выздоравливающих я иногда, чтобы их взбодрить, входила с криком: «Та чево там!» Сначала все вздрогивали, а потом смеялись и тут же подхватывали веселую интонацию, по которой соскучились.

И шли песни о любви:

Ах, Нина — Ниношна,
Моя блондиношка,
Подруга юности, ты вспомни обо мне.
Моя любимая, незаменимая,
Подруга нежная,
Товарищ по войне...

О любви я пела и шепелявила с особым подъемом. О любви я знала наибольшее количество песен. Иногда, в разгар исполнения, какой-нибудь молодой раненый как бы невзначай кидал мне вопрос:

— У тебя мама есть?

— Есть.

— А сколько ей лет?

— Ей? Сейчас скажу. Помоему, двадцать четыре года... — специально врала я.

— Ух ты, какая молодая.

Ты ее приведи, а?

— Ясно. Я с ней поговорю...

Бедная моя мама! Если бы она все это знала...

Популярны были песни о любви матери к сыну. Их просили спеть самые молодые раненные, почти мальчики. Те, у которых еще не было невест.

Спит деревушка,
Только старушка
Ждет не дожидет сына,
Старой не спится,
Тихо дрожат в руках
А когда сын приезжает
К ней на побывку, старушка
Взглянет на сына
Летная куртка и бровь
Ты улыбнешься, к сыну
Принимешься,
Не пропадет, мол, такой.

А в конце могли идти и «Чубчик», и «Бирюзовые золоты колючки»... Я пела все, что просили. Я хотела, чтобы все улыбались и были счастливыми. И в самом конце моего выступления уже можно было себе позволить все: и «та чево там!», и спеть что-нибудь такое «залихватское», чтобы вставить в финале папину «четочку» и мое эффектное, убивающее наповал «х-х-хал!».

После выступления меня одаривали и раненные, и нянечки чем-нибудь вкусным. С едой по-прежнему было очень тяжело.

Я шла домой усталая. Мне нравилось устать от выступления. Я чувствовала себя актрисой, которая всю себя отдает людям, без остатка. «Только так можно жить. Только так!».

Музыкальная школа

Осенью 1944 года в моей жизни произошло знаменательное событие — я поступила в музыкальную школу-семилетку имени Бетховена.

Папа прислал посылку, и в ней «для дочурки» юбочка в складку, со шлейками, блестящая креп-сатиновая кофточка, рукава фонариком. Мама на меня все это надела, а на голове завязала огромный белый бант. Такую нарядную и привела меня на экзамен в музыкальную школу.

Когда мы появились в коридоре уже было много детей с родителями. Мы заняли очередь, и я стала изучать детей, гадая, кто на что способен. Прозвенел колокольчик, и нас впустили в экзаменационный зал.

За большим столом сидели учителя во главе с директором школы Николаем Николаевичем Хлебниковым. Набирались классы по фортепиано и класс «по охране детского голоса». В него-то я и поступала. На экзамене дети должны были:

1. Что-нибудь спеть.

2. Повторить музыкальную фразу, которую играли на рояле.

3. Отбить в ладоши предлагаемый ритм.

Вот и все. А я так нервничала!

Но что дети пели! И «В лесу родилась елочка», и «Мы едем, едем, едем в далекие края». А некоторые были такие стеснительные и зажатые, что из них чуть ли не клеща-

ми вытягивали «Чижика-пыжика». Я ждала своей очереди. Меня бил озноб от нетерпения и возмущения. Как можно петь такую чушь? Ведь это поют в три года. Есть столько прекрасных сложных песен. В девять лет их пора бы уже знать. Мы с мамой подошли к роялю.

— Что ты нам споешь, девочка?

— А что пожелаете. Могу спеть патриотическую, могу лирическую, о любви — какую скажете. Могу исполнить песню со жестикуляцией...

— С чем?

— С жестикуляцией.

Все оживились.

— Ну-ка, ну-ка, интересно, интересно...

Я откашлялась, как это делают профессиональные певицы, и запела «Про Витю Черевичкина».

Учителя рыдали от смеха, глядя на мою «жестикуляцию».

А я ни на кого не смотрела, «дула свое». А потом, не дав им опомниться, запела самую взрослую песню — «Встретились мы в баре ресторана»:

«Где же ты теперь,
моя Татьяна,
моя любовь и наши прежние мечты...»

В музыкальную школу меня приняли безоговорочно. Экзамен прошел на «ура!»...

Моим педагогом по пению была Матильда Владимировна Тафт. Училась я у нее легко, с удовольствием. Она первая занялась моим воспитанием, моей речью, заставляла меня читать. В начале урока я рассказывала прочитанное своими словами. Два года наш урок по пению всегда начинался с этого. Мне стоило огромных усилий и напряжения следить за своей речью, чтобы не проскользнули лишние словечки — «словесный мусор».

Матильда Владимировна говорила, что песни я пеку, «как блины». Дважды она мне никогда ничего не повторяла. Я с ходу запоминала интонацию, краски, дыхание. И еще мы боролись с моей шепелявостью.

А вот по теории музыки дело у меня шло очень плохо. Во-первых я долго учила ноты. Тут я точно пошла в папу! Тупо смотрела на доску с интервалами, на бемоли, диезы, ключи... Было ужасно скучно. Я совсем не понимала, как писать диктант нотами. Как это нотами записать мелодию? Да я лучше пропою эту мелодию!

Так же безнадежно было с занятиями по фортепиано. Я училась у Ольги Николаевны Хлебниковой — сестры директора музыкальной школы. Жила она на Рымарской, около сада Шевченко, вместе со своей сестрой. Им обоим было лет по семьдесят. Большая комната перегорожена шкафами на две половины. На половине Ольги Николаевны стоял огромный расстроенный рояль. Как хотелось на нем поиграть! Дома у нас инструмента не было, и я всегда приходила на занятия с невыученными уроками. На дом Ольга Николаевна задавала мне одно и то же задание, и дальше Гедике и Майкапара мы не потянули.

Ольга Николаевна меня не ругала. Она понимала, что без инструмента далеко не уедешь, любила меня, поила чаем с вареньем.

В музыкальной школе меня держали за отличную успеваемость по основному предмету. И дирекции пришлось закрыть глаза на мои «хвосты». Зато как только концерт или ответственное выступление... «У нас есть замечательная ученица, наша лучшая ученица, она обязательно у вас выступит».

«Просветления» у меня происходили всегда внезапно. Однажды, вдруг, наступила ясность, как писать нотный диктант. Чтобы проверить себя, я пошла на занятие по теории музыки. Педагог уже давно не видел меня на уроках и был удивлен моим появлением. Я написала диктант. Одна неточность, все остальное правильно! Как же я была довольна! Сообразила! Значит, не болван. Но скоро опять остыла, забросила теорию, до гармонии так и не дошла. Сейчас очень жалею об этом.

(Окончание следует).